

УДК 1

А.М. Тимохин

Севастопольский национальный технический университет

Студгородок, г. Севастополь, Украина, 99053

root@sevgtu.sebastopol.ua

НЕОБХОДИМОСТЬ НОРМАТИВНОГО ЗНАНИЯ

Рассмотрена проблема анализа категорий «норма» и «правило» в философии.

Европейская философская традиция, начиная со второй половине 19-го века, пребывает в своеобразной ситуации рефлексии, связанной с осознанием неповторимости опыта рационального понимания мира и человека, осуществленного в рамках классических систем Нового времени. Формулы философствования «после Декарта», «после Канта» и «после Гегеля» указывают, с одной стороны, на значимость результатов трансцендентальной метафизики субъекта, с другой стороны, фиксируют такую же невозможность ее прямого продолжения (вместе с классикой) или критического преодоления (как если бы классики не было). В частности, на данный момент в рамках европейской философской традиции нельзя указать методологическую парадигму способную послужить автономным основанием для реконструкции единства воли и разума трансцендентального субъекта, единства позволявшего Гоббсу и Спинозе говорить о близости этики и геометрии, а Канту вводить тождество разума практического и спекулятивного. Между тем, именно способность к синтезу теоретической и практической установки на основе истинного познания является конститутивной для философии, являющей собой, по словам Э. Гуссерля, «духовный образ Европы».

В одной из своих поздних работ «Кризис европейского человечества и философия», Гуссерль подробно тематизирует эту особенность, утраченную вместе с завершением Нового времени. Классическая философия, достигающая синтеза теоретической и практической установки, выполняет «функцию свободной и универсальной теоретической рефлексии, охватывающей также все идеалы и всеобщий идеал, т.е. универсум всех норм» [1]. Но та концепция рациональности, которая представлена объективностью научного знания, промахивается мимо сущностного ядра универсальной теоретической рефлексии. «Наша надежда на подлинную рациональность... здесь, как и повсюду, не оправдалась». Если в своем истоке – у Декарта и даже у Канта – рефлексия удерживает практическое в пределах рационального, то все большее погружение разума в познание бесконечного поля естественных объектов природы оставляет все меньше места для спонтанности поступка или «свободы», оборачивающихся для разума иррациональностью воли.

Появление в постклассической философии проблематики дифференциации знания на «науки о природе» и «науки о духе» - лишь один из симптомов утраты методологического единства столь незыблемого в рамках классического идеала рациональности. Сама же феноменология Э. Гуссерля – лишь одна из попыток воссоздания целостности воли и разума, обеспечивающего универсальность теоретической рефлексии. «Ratio ... есть ни что иное, как действительно универсальное и действительно радикальное самопознание духа... развивающееся в форме новомодусе научности, где находят себе место все мыслимые вопросы – о бытии, о нормах, о так называемой экзистенции». При этом феноменология оставаясь одним из способов философствования и не исключая возможность других подходов в обосновании рациональности общей теоретическому и практическому познанию, вряд ли способна обеспечить искомое единство. Речь идет скорее о разуме вообще, ставящем вопросы о познании норм с той же радикальностью, которая характерна для разума задающего вопрос о природе очевидности и аподиктичности знания в форме науки.

1. Не существует недостатка в науках, имеющих дело с нормами и правилами как с составляющими часть изучаемого ими предмета. Фактически, все науки и дисциплины, называемые по устоявшейся номенклатуре гуманитарными и социальными (так называемых “науки о духе”), претендуют на то, что имеют дело с нормами. Значение подобных притязаний крайне велико: нормы и правила представляются субъективным аналогом естественных закономерностей, позволяющих “общие законы”, обладающие объяснительной и предсказательной силой. Неудивительно что наиболее продуктивно проблема сущности нормативного чаще всего формулируется в философии 20-го века именно в перспективе анализа методологической аналогии между “номическими связями” в природе и социальной реальности.

Но более детальное знакомство с понятиями “норма” и “правило” в контексте методологического аппарата современного социально-гуманитарного знания убеждает, что слова “норма” и “правило” используются в значении синонимов “причины” или “закона” и давно бы исчезли из дискурса наук о духе, если бы не одно примечательное обстоятельство. Они сохраняются, ибо отмечают собой линию эпистемологической демаркации между “науками о природе” и “науками о духе”, последнюю сохранившуюся между ними границу, устоявшую под давлением различных версий натуралистического Нормы – это метафора естественного закона или причинности, возникающая в дискурсе наук о духе, там, где описывается и объясняется нечто, в принципе не подпадающее ни под какой вид детерминации со стороны предметов действительности, а именно область, совершаемых человеком действий, изначально конституированная как

имеющая дело со свободой, т.е. со «спонтанной причинностью» (Кант) – странным порождением метафизики Нового времени.

В пределе имеет смысл утверждать, что оба понятия составляют задачу самоистолкования и самопонимания социально-гуманитарных дисциплин в их стремлении к теоретической автономии. Такой подход к обоснованию притязаний на истину и значимость в социальных науках, опирающийся на рефлексию природы норм и правил тесно связан с «реконструкцией и реабилитацией задачи достижения эпистемологической и методологической автономии герменевтических наук о духе».

Однако, последняя граница между знанием смысла и знанием о реальности, между знанием, требующим понимания, и знанием, чье значение может быть определено операционально – эта последняя граница может оказаться стертой, если она не опирается на прочный фундамент метафизики, делающей понятие “норма” не прочитываемым в терминах, допускающих редукцию к какой бы то ни было естественной данности.

Традиционная философская герменевтика вполне оправданно претендует на реконструкцию метафизического измерения нормативности, однако она должна стать при этом связующим звеном между метафизикой и метарефлексией знания, чей предмет, не будучи сам по себе метафизическим, конституируется нормами и правилами. Герменевтика действительно может стать «метафизическим корнем» социально-гуманитарного знания, будучи «привита», по выражению П. Рикера, ко всем культивируемым в охватывающих его дисциплинах методологическим стратегиям – без подобной прививки «развитие этих не совпадающих друг с другом дисциплин» влечет за собой «очевидное и угрожающее распадение этого (гуманитарного – А.Т.) дискурса». Надо отметить, что подобная герменевтика не является “чистой”. Она не всегда является продолжением традиции исторической или “эмпатической” интерпретации текстов, в основе которой лежит учение о понимании как единой и универсальной методологической процедуре «Не лучше ли будет, если мы отныне начнем исходить из производных форм понимания и в них самих отыскивать признаки того, что делает их производными?» – замечает по этому поводу П. Рикер. Такая неклассическая герменевтика нацеленная только на понимание, а не на «понимание понимания», существует как форма связи между дискурсами разного стиля и тематики.

В нашей ситуации речь идет о герменевтическом движении от методологического дискурса, содержанием которого служит проблема автономии «наук о духе», к дискурсу, в котором ключевое для решения указанной проблемы понятие «норма» обретает полноту и самоосновность смысла, становясь трансцендентально-очевидным.

2. При этом можно начать с разбора принципиально герменевтически неангажированной методологической позиции, со скептицизма в

отношении герменевтики вообще. Так принято в аналитической философии, собственные герменевтические интенции которой сформировались вполне самостоятельно и даже вопреки усилиям континентальной философии обратить на себя внимание. Аналитический стиль в методологии, представленный ориентацией на логику и математику, успехи эмпирических дисциплин, предполагает недоверие к традиционной, связанной с историей и поэтикой, герменевтике. Методологический «имидж» гуманитарных дисциплин в глазах аналитиков явно страдал от любых попыток его полного переподчинения герменевтическим принципам. В 1942 г. один из авторитетных методологов науки К.-Г. Гемпель писал: «в истории в меньшей степени, чем в любой другой области эмпирического исследования, научное объяснение может быть получено только с помощью соответствующих общих гипотез или теорий», что «очевидным образом контрастирует с известной точкой зрения, что настоящее объяснение в истории достигается с помощью метода, специфически отличающего социальные науки от естественных, а именно, метода эмпатического понимания (герменевтики – А.Т.)» [2].

Но, несмотря на подобную позицию, в середине XX века был осуществлен так называемый «герменевтический поворот» (или «интерпретативный поворот») в философии в целом и, в частности, в методологии гуманитарного знания. Как ни странно, вовсе не сторонники В. Дильтея и Х.-Г. Гадамера оказались его самыми активными участниками. Герменевтический поворот по существу произошел под воздействием позитивистски окрашенной аналитической философии. Ключевым моментом стала возможность расшифровки, интерпретации центральной для социально-гуманитарного знания техники понимания в терминах различных версий процедуры объяснения. К чему ведет подобное прочтение? Не содержит ли оно в себе (будучи интерпретацией понимания как методологической процедуры) своеобразную версию неклассической герменевтики социального, культурного исторического события как описываемого и объясняемого в терминах норм и правил действия (human action)?

З. К.-Г. Гемпель в своих исследованиях по логике подтверждения и объяснения настаивает на существовании неотъемлемой связи между ориентацией знания на формулировку общих законов и универсальных гипотез и выполнением этих двух эпистемологических функций. Для социальных наук, поскольку они тоже заняты объяснением и претендуют на истину, также нет другой альтернативы, кроме экспликации собственного содержания в терминах “общих законов”. В классической работе, посвященной специфике исторического знания, “Функция общих законов в истории” К.-Г. Гемпель показал, что “общие законы имеют

достаточно аналогичные функции в истории и естественных науках, что они образуют неотъемлемый инструмент исторического исследования, и что они составляют общее основание различных процедур, которые часто рассматриваются как специфические для социальных наук в отличие от естественных”.

В дальнейшем рассматриваемый тип объяснения через обращение к общим законам получил название «каузального», потому что “можно сказать, что множество событий является причиной объясняемого события..., если можно указать общие законы, связывающие “причины” и “следствия”...”. Гемпель был убежден, что в социальных и гуманитарных науках общие законы существуют, даже если речь идет о преобладании в них других типов объяснения, например, телеологического или эмпатического.

Общий закон – верифицируемое или фальсифицируемое утверждение из области опыта, к которой принадлежат естественные отношения между объясняемым событием и его условием. Единственное его отличие от полностью эмпирических утверждений – оно обладает значительной дедуктивной силой в сравнении с суждениями о фактах. Общий закон это не просто копия факта, но еще и средство вывода. Тем не менее, он не описывает онтологически достаточных и необходимых условий каких-то ситуаций в мире, он лишь выполняет функцию объяснения (предсказания и ретросказания). Общие законы, например, в истории тоже суть эмпирические утверждения, принимаемые не только как констатация определенных фактов, но и как объяснение других.

4. В целом методологический анализ научного объяснения носит у Гемпеля антиметафизический и унифицирующий характер, а основанная на нем программа после ряда уточнений оказалась доминирующей в обосновании методологических стратегий социально-гуманитарного знания. С уходом логического позитивизма она не исчезла и продолжила свое существование в поствитгенштейнианской и неокритической философии в форме вопроса о специфике «эксплананса» – суждения объясняющего феномены в терминах каузальности – в науках об истории, культуре человека или в виде вопроса о разновидностях объяснения.

Прежде всего следует отметить те уточнения гемпелевской теории объяснения применительно к интерпретации совершаемых людьми действий (human action), которые были инициированы философией позднего Л. Витгенштейна и которые непосредственно указывают на нормативный характер эксплананса, на включенность “норм” и “правил” в формулировку “общих законов” в социальном знании.

В философии позднего Витгенштейна понятие “правило” занимает центральное место в рамках деконструкции старой метафизики, для которой между законом и подпадающим под его действие событием нет

никакого промежутка, нуждающегося каждый раз в дополнительном описании, идет ли речь о законах природы или о законах разума и языка. Например, с точки зрения законов, именование в такой метафизике ничем не отличается от притяжения, действующего с одинаковой силой на все предметы. Когда Августин в “Исповеди” описывает свое обучение языку, все выглядит так, как будто бы он, 2-х летний ребенок, никогда не умевший говорить, обладает одинаковой со взрослыми способностью устанавливать и удерживать связь между предметами и звуками речи. “Августин описывает усвоение человеческого языка так, словно ребенок прибыл в чужую страну и не понимал языка этой страны; т.е. как если бы он уже владел каким-нибудь языком, только не этим” [3]. На примере языка Витгенштейн проблематизирует непосредственность действия в мышлении семантических схем языка как метафизических и безусловных. “Указательное определение объясняет употребление – значение – слова, когда роль, которую это слово призвано играть в языке, в общем уже ясна. Нужно уже что-то знать (или уметь), чтобы быть способным спрашивать о названии. Что же нужно знать?”.

В свете теории значения как употребления Витгенштейн рассеивает иллюзию спонтанного действия законов мышления (ощущения) как способа знакомства со значениями в их непосредственном присутствии “рядом” с субъектом. Между именем и тем, что оно обозначает, нет никакой связи, непосредственно и императивно устанавливаемой в мышлении как в разговоре с самим собой, или мышлении как в переводе с языка знаков на язык реальности. В языке нам даны не значения, а употребление, ценность, понятность и значимость которого определяются регулярностью и могут быть описаны только в терминах “следования правилу”. “Понимать правило”, в отличие от “понимать имя”, – это не ментальный процесс непосредственного проникновения из мышления в реальность. “Существует такое понимание правила, которое является не интерпретацией, а обнаруживается в том, что мы называем “следованием правилу”... “следовать правилу” – некая практика. Полагать (только думать – А.Т.) же, что следуешь правилу, не значит следовать правилу”. Следование правилу, по сути, есть то, что следует обнаружить и на что должно ссылаться объяснение внутри описания человеческих действий с использованием языка, не заменяя при этом следование правилу ссылкой на влияние, оказываемое субъектом мышления внутри нас, как на причину совершаемых речевых актов. Объяснение значения возможно только как нахождение правила, которому следуют, а не как рассказ историй о приватной жизни сознания и его контактах с реальностью.

Витгенштейнианское “следование правилу” выражает связь между языковой игрой и “формой жизни”. Последователь Витгенштейна П. Уинч рассматривает его как единственно верный способ описания и других

элементов, наряду с языком составляющих ту или иную структуру жизненного мира. Описание “следования правилу” - это метод объяснения осмысленных действий в социальных науках. Вся работа Уинча “Идея социальной науки” подчинена единственному мотиву: “показать, каким образом этот подход может пролить свет на другие формы человеческого взаимодействия помимо речи” [4]. Его по преимуществу интересуют действия, носящие символической характер, связываемые действующим с некоторым субъективным смыслом, например с мотивом. Мотив традиционно – психологический термин, разъясняемый схемой “стимул-реакция”, и осуществляющий редукцию действия к физиологической природе, поддающейся каузальному объяснению. Но в социальных науках, показывает Уинч, мотив берется не просто как причина, но и как значение действия, тем самым открывая возможность для неовитгенштейнианской интерпретации “высказываний о мотивах” не в терминах событий психической жизни, а опять-таки в виде языковой игры, подчиненной некоторым правилам. Здесь, по мнению Уинча, пролегает граница, отделяющее объяснение как понимание от стандартного каузального объяснения. “Понимание” - в таких ситуациях – означает схватывание сути или значения того, что делается или говорится. Это понятие, весьма далекое от мира статистики и каузальных законов; оно ближе к сфере рассуждения и внутренним связям, соединяющим части сферы рассуждений’.

К сожалению, ни у Витгенштейна, ни у Уинча, следование правилам как альтернатива каузальным законам не прописано достаточно подробно, чтобы можно было сделать вывод: являются или нет случаи объяснения через открытие правила разновидностью каузального объяснения? Имеет ли место вообще объяснение в данном случае или “следование правилу” это только дескрипция действия? Витгенштейн, вероятнее всего, был склонен ко второму варианту, о чем свидетельствует, например, следующее утверждение: “философия... может только описывать его (действительное употребление языка – А.Г.). Ведь дать ему вместе с тем и какое-то обоснование она не может. Она оставляет все так, как оно есть”. Уинч, напротив, полагает, что объяснение действию в обнаружении правила дается, поскольку “отношения между людьми и между идеями, на самом деле суть одно и то же, рассматриваемое с разных точек действия”. Впрочем, и у Витгенштейна, и у Уинча важен в первую очередь скептический мотив в отношении монополии естественнонаучной версии каузального объяснения и поиск альтернативной модели, инициированный сложностями, возникающими в объяснении феноменов социального и гуманитарного знания.

Однако одно из самых интересных решений проблемы социального объяснения было дано Г.Х. фон Вригтом в работе “Понимание и объяснение”. В отличие от большинства аналитиков, включая и Витгенштейна, Вригт не

считает понятие “причины” устаревшей категорией, реликтом метафизики Нового времени. Он стремится показать, что “общие законы” гемпелевской модели объяснения, если только они не тождественны формальным правилам вывода, ничем не отличаются от причин и также испытывают последствия юмовской проблемы – проблемы индукции. “А раз так, то проблемы гемпелевской модели объяснения сразу же превращаются в новую форму проблемы причинности” [5]. Вригт дает такую интерпретацию понятию причины, которая позволяет ему непротиворечивым образом показать возможность ретроактивной, определяющей прошлое, причины как основы для квазикаузального и телеологического объяснения. Важность полученного Вригтом результата огромна: индукция и статистическая вероятность перестают быть опорой объяснения, естественнонаучный закон – моделью причинной связи и т.д. Вместе с тем в разработке телеологического объяснения Вригтом были учтены результаты неовитгенштейнианской критики объяснения в социальных науках. Так, например, в его концепции “телеологическому объяснению действия обычно предшествует интенциональное понимание некоторого образца поведения”, кроме того, телеологическое объяснение указывает на “необходимость разграничения причинности в природе и причинности... в области индивидуального и коллективного действия человека как совершенно различных понятий”.

5. Итак, то, что позволяет знанию выполнять функции объяснения, предсказания и ретросказания, а также формулировать общие законы, имеет в качестве онтологического коррелята причинность. Нормы и правила, в этом смысле, являются аналогами или разновидностями формулировок говорящих нечто об условиях и следствиях, ими обеспечивается тот специфический тип каузальности, который будучи познанным, со всеми присущими только ему особенностями приводит к появлению специфического знания: социального и гуманитарного. На необходимость норм и правил именно в качестве особых предметов, обеспечивающих стабильность, устойчивость, определенность и, главное, объяснимость явлениям истории, культуры социальности и т.д. указывалось многократно не только в рамках методологии, но и в конкретных дисциплинах.

Таким образом, нельзя отрицать, что нормы и правила действительно становятся объектом пристального и методологического по своей сути интереса со стороны социального и гуманитарного знания. Общим обстоятельством приводящим к выделению норм в особый класс явлений, определяющих специфическое понятие и тип каузальности, стала необходимость позитивного, эмпирического, в узком смысле научного осмысления того знания, предметом которого является сам человек. Условием подобного выделения явилось подведение суждений понимания и самопонимания человека под логическую форму суждений используемых в

процедурах объяснения и имеющих гипотетико-дедуктивную природу. По словам К.-О. Апеля, "... часть человеческой практики может быть "объективированной" согласно свободным от ценностей стандартам науки инструментально-техническую и стратегическую части практики можно обосновать посредством объективных правил "если – то", которые можно считать логической трансформацией научного знания законов".

При этом речь идет о трудном, но неизбежном для науки выделении предмета в некоторую форму объективности, открывающую реальность такой, какой она есть, без наслоений субъективных представлений о том, какой бы нам хотелось ее видеть. Для большинства социальных и гуманитарных наук подобный процесс, к сожалению, уже завершился. Однако, до сих пор нельзя утверждать, что на всех своих этапах он опирался на вполне ясные и отчетливые методологические основания. Центральное для рассматриваемого класса наук понятие нормы по-прежнему не получило должного определения и, по-видимому, при его употреблении имеют место многочисленные экивокации. И, наконец, можно констатировать, что отсутствует самостоятельная дисциплина, берущая на себя задачу строгого и последовательного обоснования столь важного для гуманитарных и социальных наук понятия. Но, пожалуй, одно из самых существенных препятствий в познании нормативного – отсутствие прозрачной концепции специфического типа каузальности, проясняющей саму возможность нормативного и его реализацию в мире.

На сегодняшний день немного и лучшее из того, что было сказано, принадлежит истории метафизики Нового времени. Поэтому реабилитация рациональности практического знания неразрывно связана с герменевтической реконструкцией новоевропейской метафизики. А точнее, той ее стороны, которая позволяет вернуть методологические проблемы, заявленные в аналитической философии, назад – в трансцендентальную плоскость сознания конституирующего себя в качестве познания должного, т.е. нормативного морального познания.

Библиографический список

1. Гуссерль Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль — Новочеркасск 1994. — С. 118.
2. Гемпель К.-Г. Логика объяснения / К.-Г. Гемпель — М., 1998. — С. 16.
3. Витгенштейн Л. Философские работы / Л. Витгенштейн. — М., 1994. — С. 94.
4. Уинч П. Идея социальной науки / П. Уинч. — М., 1996. — С. 34.
5. Вригт Г.Х. фон. Объяснение и понимание / Г.Х. фон Вригт // Логико-философские исследования — М., 1986. — С. 74.

Поступила в редакцию 24.11.2002 г.